

Призрачные слуги, несмотря на свою мертвенную бледность, сияли широкими улыбками. Они разом повернулись к Цзянь Цзяню, и в их пустых, подернутых дымкой глазах светилось искреннее тепло.

То ли от нахлынувших чувств, то ли от смущения — шутка ли, оказаться в самом центре внимания, — но щеки Цзянь Цзяня залила густая краска, а в глазах заблестели слезы.

— Я ведь только сегодня узнал, что у тебя день рождения! — затараторил Хуа Тянь, совершенно не замечая, как изменился в лице юноша. — Всё на скорую руку вышло, а ведь можно было устроить куда лучше. Всё Чжун Ли виноват: молчал до последнего, да еще и караулил меня, только время зря потеряли...

— Всё и так замечательно, — Цзянь Цзянь поспешно опустил голову, пытаясь скрыть непрошеные слезы. Голос его дрогнул: — У меня никогда не было праздника. Это... в первый раз.

— Но я хочу дарить тебе только самое лучшее, — тихо произнес Хуа Тянь, коснувшись его щеки и бережно стирая влажные дорожки.

Цзянь Цзянь поднял глаза. Их взгляды встретились, и в воздухе, словно невидимая искра, вспыхнуло то особенное, томительное чувство, от которого сладко щемило в груди.

— Ну что, признания в любви окончены? Мы наконец-то можем поесть? — холодный голос Лань Цзыцзюня бесцеремонно развеял романтический флёр, вернув всех на грешную землю.

Чжун Ли, которому так беспардонно испортили прекрасную сцену, раздосадованно цыкнул и скривил губы, явно потеряв всякий интерес к происходящему.

— Для начала выпьем за нашего именинника, а уж потом примемся за еду! — провозгласил Хуа Тянь.

Он первым поднял чарку и осушил её до дна. Призрачные слуги тут же дружно зашумели, осыпая виновника торжества поздравлениями.

Пиршество началось. Чаши то и дело сталкивались с глухим звоном, вино лилось рекой, а весёлый гомон то затихал, то взрывался с новой силой. Праздник удался на славу.

— Цзянь Цзянь, это тебе, — Лань Цзыцзюнь достал из широкого рукава чистейший кусок синего нефрита и протянул юноше.

— Ого, дай-ка глянуть! — Чжун Ли бесцеремонно перехватил подарок и принялся с увлечением его разглядывать. — Невероятно... Да это же синий ледяной нефрит с самого Небесного озера на горе Чанбайшань! Такой копится целую тысячу лет, и выжать из него удастся лишь крошечный осколок.

Чжун Ли славился своей искушенностью в подобных вещах. Ему самому когда-то посчастливилось раздобыть схожий самоцвет у подножия Чанбайшаня, но из-за чужих долгов пришлось сразу же его продать, так и не успев налюбоваться. Зато сегодня он сполна удовлетворил свое любопытство.

— Это слишком дорого, я не могу принять такой щедрый дар, — замахал руками смущенный Цзянь Цзянь.

На душе у Хуа Тяня заскребли кошки. В горле так и встал горький комок ревности: из-за жуткой спешки он сам остался без подарка! И всё из-за этого проныры Чжун Ли! Сам-то наверняка загодя всё приготовил, а ему шепнул в самый последний момент.

Выхватив камень из пальцев Чжун Ли, Хуа Тянь решительно вложил его в ладонь именинника.

— Бери-бери, не стесняйся. Брат Цзыцзюнь у нас парень не промах, монетой не обделен.

Цзянь Цзянь со смущенной улыбкой сжал прохладный нефрит.

— Благодарю вас, господин Лань.

— И когда только успел стать со мной таким церемонным? — Лань Цзыцзюнь пригубил вино и покачал головой, притворно вздыхая с напускной печалью.

В ответ Цзянь Цзянь одарил его такой теплой и искренней улыбкой, что даже вечно суровое лицо Лань Цзыцзюня дрогнуло, явив миру мимолетную мягкую полуулыбку. Они обменивались этими безмолвными любезностями прямо через голову Хуа Тяня, сидевшего между ними. Чувствуя себя третьим лишним, тот лишь угрюмо сопел и глушил вино чаша за чашей.

Чжун Ли, устроившийся сбоку, наблюдал за этой немой сценой с величайшим удовольствием.

Разгар застолья близился к пику. Хуа Тянь вовсю подначивал Цзянь Цзяня выпить, и тот, колеблясь, уже подносил чашу к губам. Как вдруг на плечо Хуа Тяня бесшумно, точно могильный холод, опустилась чья-то бледная рука.

— Чжун Ли, хорош на меня наваливаться, — недовольно бросил Хуа Тянь, оглянувшись через плечо.

— Да кто на тебя наваливается? — хмельной Чжун Ли обиженно надул губы и, глупо улыбаясь, продемонстрировал Хуа Тяню обе свои пустые ладони, покачивая ими прямо перед его носом.

Хуа Тянь оцепенел. Волоски у него на затылке встали дыбом. Он медленно повернул голову и уставился на изящную длиннопалую кисть, покоившуюся на его плече.

— Мамочки, призрак!.. — сдавленно пискнул он и рыбкой сиганул в сторону, инстинктивно

прячась за спину Лань Цзыцзюня.

— Ты сам покойник, а шугаешься каждого шороха, — холодно отозвался Лань Цзыцзюнь. Он бесцеремонно выудил Хуа Тяня из-за своей спины и подтолкнул его прямым к незваному гостю.

Пред ними предстал Император Хуагай.

— Брат Хуа, — мягко улыбнулся Император Хуагай, вежливо сложив ладони в приветственном жесте.

Глядя на светящегося доброжелательностью Императора Хуагая, Хуа Тянь ощутил непреодолимое желание просто съездить ему по лицу.

— Хуагай, тебя вообще учили через дверь заходить? — взорвался Хуа Тянь. — Это же форменный взлом! Незаконное проникновение в чужую обитель! Неужто Небесные законы тебе не указ?

Подумаешь, великий бессмертный! То, что он владеет магией и носит высокий титул, вовсе не давало ему права доводить честных призраков до инфаркта.

— Брат Хуа, уверяю тебя, я вошел через главные ворота, — оправдывался Император Хуагай. — Просто у входа не оказалось ни единой живой души, чтобы доложить о моем визите. Вот мне и пришлось пройти самому.

Действительно, все призрачные слуги Подземного царства собрались в главном зале, увлекшись хмельным весельем, так что несчастному императору попросту некому было подать знак.

— Так бы сразу и сказал! Ну же, садись к столу, выпьем! — сменил гнев на милость Хуа Тянь.

Хотя ростом он заметно уступал величественному гостю, это не помешало ему бесцеремонно приобнять бессмертного за плечи и усадить рядом с собой. Он до краев наполнил глиняную чашу хмельным напитком и придвинул её к самому носу Хуагая.

«Сегодня я тебя точно под стол уложу!»

— И не лень ему так изгаляться? — шепнул Чжун Ли, глядя на эту нелепую картину.

Хуа Тянь изо всех сил тянулся вверх, силясь удержать руку на плече величественного гостя, в то время как Небесному владыке пришлось изрядно согнуться, лишь бы облегчить спутнику задачу.

— Видимо, привычка, — безучастно обронил Лань Цзыцзюнь.

Чжун Ли лишь недоуменно покачал головой, так и оставшись в полнейшем недоумении.

— Брат Хуа, я здесь не ради вина. Нефритовый император повелел мне немедленно доставить тебя в Небесный дворец, — мягко, но настойчиво отклонил подношение Император Хуагай.

— Надо же, не успел я распутать это дело, как Юйди уже обо всём прослышал! — самодовольно ухмыльнулся Хуа Тянь. — Небось, награду выписать хочет?

— Боюсь, что нет, — замялся император.

Ему стало неловко: если бы Хуа Тянь сам не упомянул о раскрытом преступлении, он бы и вовсе позабыл об этом досадном недоразумении.

— У Него для тебя новое поручение, — добил он юношу очередной безрадостной вестью.

— Никуда я не пойду! — вскинулся Хуа Тянь. — Я только-только в Подземное царство вернулся, у меня чарка недопита!

Он демонстративно наполнил кубок и сделал глубокий глоток.

— Брат Хуа, оставь вино. Идем же, Его Величество не любит ждать, — император бережно, но крепко перехватил его за запястье, силясь увлечь за собой.

Но Хуа Тянь вцепился в край дубового стола мертвой хваткой, упираясь всеми силами и наотрез отказываясь двигаться с места.

Император Хуагай внезапно разжал пальцы. Лишившись опоры, Хуа Тянь кубарем полетел вперед, рискуя пропахать носом твердую столешницу. Однако император среагировал мгновенно: подставив ладонь под его лоб, он уберег юношу от сокрушительного удара, после чего с неожиданной силой и грацией подхватил его на руки, точно невесту.

— Цзыцзюнь, за мной, — бросил Император Хуагай на ходу, пронося брыкающуюся ношу мимо застывшего Лань Цзыцзюня.

Лань Цзыцзюнь помрачнел пуще прежнего, но покорно последовал за ними.

Они миновали залы Подземного царства и взобрались на спину крылатого зверя. Лишь тогда Хуа Тянь окончательно пришел в себя.

— Слышь, Хуагай, ты уже можешь меня отпустить! — возмутился он, запоздало заливаясь краской.

Бессмертный даже ухом не повел. С самым невозмутимым видом он продолжал сжимать

юношу в своих объятиях, лишая возможности вырваться. И лишь когда Лань Цзыцзюнь ловко вскочил на спину зверя рядом с ними, тиски наконец разомкнулись.

— Ладно, ладно, сделаю я всё, что твой император велит! Только, ради всех богов, не выкидывай больше таких фокусов! — присмирел Хуа Тянь. Спеси у него заметно поубавилось — не на шутку напугал его этот внезапный порыв нежности.

— Прости, брат Хуа, но у меня просто не оставалось иного выбора, — кротко отозвался Император Хуагай, нацепив на лицо маску невинного раскаяния.

Хуа Тянь поспешно отвернулся, избегая его пристального взора. После этих нелепых объятий от благородного облика Императора Хуагая словно не осталось и следа.

«Да что с ним не так? В его глазах... мне ведь не показалось? Там сквозило настоящее вожделение».

Он мотнул головой, пытаясь отогнать наваждение.

«Да бред какой-то. Быть не может. Точно показалось!»

Пытаясь отвлечься, он наткнулся взглядом на Лань Цзыцзюня. От лица того веяло таким ледяным холодом, что у Хуа Тяня мурашки побежали по спине. Тот явно был не в духе. С чего бы это? Спрашивать о причинах юноша, впрочем, не рискнул. Он просто тихонько повернулся боком к обоим спутникам и принялся с преувеличенным интересом разглядывать проплывающие мимо облака.

Остаток пути прошел в полном безмолвии.

Оказавшись в Небесном дворце, Хуа Тянь почувствовал себя как дома. Не дожидаясь, пока храмовые служки укажут дорогу, он уверенным шагом направился напрямик к главному залу.

Остановившись у самого порога, Хуа Тянь заколебался, и на его лице отразилась вся скорбь мира.

— Иди же, брат Хуа, — мягко подтолкнул его Император Хуагай.

Юноша обреченно вздохнул.

«Опять... Снова выслушивать бесконечные нотации Юйди, пока он брызжет слюной от злости. За что мне всё это?»

Будто бы не в силах расстаться со своими спутниками — а на самом деле едва волоча ноги от неохоты — Хуа Тянь переступил порог величественной залы.

Едва силуэт юноши скрылся за тяжелыми дверями, Император Хуагай развернулся к Лань Цзыцзюню и потянулся к его руке, намереваясь прощупать пульс.

Но Лань Цзыцзюнь капризно вырвал запястье из его хватки.

— Не здесь. Идем в твою обитель, — недовольно процедил он и, резко развернувшись, зашагал прочь.

Императору ничего не оставалось, кроме как поспешить за ним.

<http://bllate.org/book/18412/1796503>